

СМЫСЛ СИМВОЛИКИ ИМЕНИ *МАКАР* В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСТВА
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И ПРОБЛЕМ ЭСХАТОЛОГИИ КАК СКРЫТЫЙ
КОНЦЕПТ ЖИЗНИ И КУЛЬТУРНОЙ КРЕАТИВНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

THE SYMBOLIC MEANING OF THE NAME *MAKAR* IN THE OEUVRE
OF FIODOR DOSTOYEVSKY AND OF THE PROBLEMS OF ESCHATOLOGY
AS A HIDDEN CONCEPTION OF MAN'S LIFE AND CULTURAL CREATIVITY

ОЛЬГА КРЕНЖОЛЭК

ABSTRACT. The paper deals with the meanings of the name *Makar* according to Florinsky's metaphysical conception which, with reference to the symbolic representation of simplicity in the oeuvre of Dostoyevsky and its problems of eschatology, make it possible to reveal the universal and cosmological message hidden in the symbolic content of the name.

The name *Makar* as a symbol of the organic unity and the integrity of man's personality is rendered as a biblical universal model of the whole creation of which man is its expression. Man is meant as "God's temple" which is "holy" i.e. ideal, as ideal is innocent man. Therefore, the name *Makar* in the oeuvre of Dostoyevsky is meant as the only valid conception of man's life and creativity which corresponds to God's Universe and protects man from further decline and degradation of life and culture because of its extreme measure.

Olga Krężolek, Uniwersytet Humanistyczno-Przyrodniczy Jana Kochanowskiego, Kielce – Polska.

Среди символических мотивов и образов в творчестве Ф.М. Достоевского, где символизация действительности является одной из основных составляющих художественного метода¹, одно из очень важных мест занимает символика имени. Лучше всего это прослеживается на имени *Макар*, которым наделен один из главных персонажей романа *Подросток*. В том, что выбор имени², а также отчества и фамилии *Макара Ивановича Долгорукого* являются не простой случайностью, а вполне осознанной символизацией этого

¹ Конкретному содержанию отдельных символических мотивов и образов в творчестве Ф.М. Достоевского посвящены исследования С.В. Белова, А.М. Буланова, В.Е. Ветловской, Г.Д. Гачева, В.Н. Захарова, Л.В. Карасева, Т.А. Касаткиной, Р.Я. Клейман, Б.С. Кондратьева, Р.Г. Назирова, О.Н. Осмоловского, Л.И. Сараскиной, В.А. Свительского, В.Н. Топорова, В.А. Туниманова, Н.Ю. Тяпугиной, Г.К. Щенникова и др.

² О значении и выборе имен в творчестве зарубежных и русских выдающихся поэтов и писателей, а также в народном творчестве см.: П.А. Флоренский, *Сочинения в 4-х томах*, т. 3(2), ч. 6, Москва 1999.

персонажа с помощью этих трех составных его наименования, убеждают нас уже первые страницы романа, в которых он объявляется „юридическим отцом” „незаконного сына” русского *родового* дворянина, благодаря чему автор этих автобиографических записок, по его собственному выражению, становится „законнорожденным” „и происхождение” его „не подвержено ни малейшему сомнению”, хотя он „в высшей степени, незаконный сын”³. Уже в этих формулировках сквозит сущностное начало семейной истории, смысл и значимость которой для исторического познания разъясняется окончательно в заключительной сцене, которую вслед за Т.А. Касаткиной лучше назвать „словесной иконой”, потому что, действительно, финал *Подростка*, вслед за другими великими романами Достоевского, также венчавшимися словесными иконами⁴, больше всего напоминает сюжет иконы *Евангелист Иоанн, диктующий ученику*. Именно с сюжетом этой иконы совпадает на смысловом уровне, т.е. на уровне идеи, и идея самого романа, как мы сможем убедиться. И для этого не обязательно привлекать сразу всю изложенную П.А. Флоренским метафизику рода и лика, а хватит лишь обратиться к традиционному восприятию имени *Макар*, как свойственному прежде всего крестьянскому сословию в русской культурной традиции. Также отчество его – *Иванович* – свойственно крестьянину, но и вообще *русскому* человеку. Фамилия же – *Долгорукий* – свойственна великому русскому *княжескому* роду, который, однако, прежде всего ассоциируется с основанием Москвы и, следовательно, с государственностью Московской Руси. И фамилия эта, в сочетании с крестьянскими или простонародными именами, выглядит, как и заявляет герой *Подростка*, просто глупо: „ничего нет глупее, как называться Долгоруким, не будучи князем”⁵ – пишет в своих записках сам герой. Поэтому такое странное сочетание может вызывать лишь убеждение, что оно „полно мстительной и гражданской идеи”⁶. Тем более, если тот, кто носит ее, называет себя незаконным сыном своего „бывшего барина, господина Версилова”⁷.

³ Ф.М. Д о с т о е в с к и й, *Полное собрание сочинений в 30-ти томах*, т. 13, Ленинград 1972–1990, с. 6.

⁴ Т.А. Касаткиной принадлежит интересное и тонкое замечание о том, что все пять великих романов Достоевского венчает словесная и к о н а. *Преступление и наказание* заканчивается иконой Богородицы *Споручница грешных*, *Идиот* – *Положением во гроб*, *Бесы* – воспроизведением сюжета *Жен-мирроносиц*, финал *Подростка* напоминает сюжет иконы *Евангелист Иоанн, диктующий ученику*, а *Братья Карамазовы* – *Причащением апостолов* (Т.А. К а с а т к и н а, *О творящей природе слова: онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа „реализма в высшем смысле”*, Москва 2004, с. 302). Добавим, что князь Мышкин хотел описать сестрам Епанчиным картину Г. Фриса *Усекновение главы Иоанна Крестителя*, явно ориентированную на иконописный оригинал (Ф.М. Д о с т о е в с к и й, указ. соч., т. 8, с. 55).

⁵ Ф.М. Д о с т о е в с к и й, указ. соч., т. 13, с. 7.

⁶ Там же, с. 8.

⁷ Там же.

Однако ход всего романа должен доказать, что смысл его не доказывать месть и злость незаконнорожденного, а нечто более важное, то, что формулируется именно в заключительных словах романа, составляющих словесную икону:

Да, Аркадий Макарович, вы – *член случайного семейства*, в противоположность еще недавним родовым нашим типам, имевшим столь различные от ваших детство и отрочество.

Признаюсь, не желал бы я быть романистом героя из случайного семейства!

Работа неблагодарная и без красивых форм. Да и типы эти, во всяком случае, – еще дело текущее, а потому и не могут быть художественно законченными [...]. Но такие ‘Записки’, как ваши, могли бы, кажется мне, послужить материалом для будущего художественного произведения, для будущей картины – беспорядочной, но уже прошедшей эпохи. О, **когда** минет злоба дня и **настанет будущее**, тогда будущий художник отыщет прекрасные формы даже для изображения минувшего беспорядка и хаоса. Вот тогда-то и понадобятся подобные ‘Записки’, как ваши, и дадут материал – были бы искренни, даже несмотря на всю их хаотичность и случайность... **Уцелеют**, по крайней мере, хотя некоторые **верные черты, чтоб угадать по ним, что могло таиться в душе иного подростка** тогдашнего смутного времени, – **дознание, не совсем ничтожное, ибо из подростков созидаются поколения...**⁸ (Это и все следующие выделения крупным шрифтом мои – О. К.).

Итак, ясно из последних слов, что речь идет об истории и будущем *целых русских поколений*, сыновья которых были незаконнорожденными детьми русских господ и русских крепостных крестьян, а значит – это роман о новейшей русской истории, а, следовательно, и новейшей русской культуре в целом, ибо, как утверждает П.А. Флоренский,

задача истории понять энергию как энергию. Но на земле самым ярким выразителем энергии является *лицо человеческое*. Лицо человеческое и есть предмет истории, и все с ним и ради него и из него совершающееся, в противоположность совокупности вещей, природе [...]. Если *природою* мы называем совокупность вещей, *эрга*, то совокупность *энергий* называем мы *культурой*. Науки о законах суть науки *о природе*, или *естестве* – *естественные*.

Науки об единичном суть науки *о культуре*, или *о человеческом духе* – или *гуманитарные*⁹.

А раз так, то обе эти науки поддаются изучению только благодаря возможности расчленения своего материала с помощью определенных приемов. И здесь очевидно, что: „Если природа расчленяется на вещи, то история – на лица. И если категорией природоведения мы должны признать *имя нарицательное*, имя вещи, то категорией истории – должны признать *имя собственное, имя лица*”¹⁰. То, что устанавливает связь между вещами, „есть причин-

⁸ Там же, с. 453.

⁹ П. Ф л о р е н с к и й, *Сочинения...*, указ. соч., с. 21.

¹⁰ Там же, с. 28.

ность, полагающая вещи”, она связана с самим бытием вещей и уничтожается, стирается „лишь с уничтожением вещей”.

Следовательно, в науках о культуре, занятых *лицами*, такую связью *лиц*, без которой не понять лица и с уничтожением которой уничтожились бы самые лица, есть связь *рождения*. Всякое соотношение лиц может быть изменено, но только не отношения рождения [...] ряд пространственных и временных и др. соотношений вещей [...] могут быть уничтожены, но лишь *причинная* связь неустраима¹¹.

Таким способом Флоренский доказывает значение изучения генеалогии и убеждает нас в том, что чувство связи с родом – это не только долг перед предками, родителями, но прежде всего оно необходимо для того, чтобы

иметь точки опоры, знать свое место в мире – без этого нельзя быть бодрым. Надо чувствовать за собою прошлое, культуру, род, Родину. У кого нет рода, у того нет и Родины и народа. Без генеалогии нет патриотизма: начинается космополитизм – „международная обшлыга”, по слову Достоевского. Чем больше связей, чем глубже вросла душа в прошлое, чем богаче она обертонами, тем она культурнее, тем более культурная масса личности: личность тем более носит в себе то, что более ее самое¹².

Это и есть подлинное объяснение причин, по которым Достоевский писал прежде всего романы, где выяснялись, а можно даже сказать – изучались подробно – семейные отношения, родственные связи. Именно через эти связи выявляется прежде всего все то, что „почвенно”, потому что сами идеи,

чтобы быть живыми, должны быть с фундаментом, с прошлым; мы должны чувствовать, что не сами *сочиняем* свои теории (сочинительство, игра в жизнь), а имеем то, что *выросло*, что почвенно¹³.

Значит, можно сделать вывод, что подлинное почвенничество Достоевского выражается прежде всего в идее, взятой „в ее живой связности с культурой”, ибо идея отвлеченная, „вне культурной среды” есть как „одежда не на живом теле, а на вешалке”¹⁴. Вот и поэтому подросток Достоевского ищет так упрямо своих истинных корней, своей точки опоры: он не хочет быть больше „незаконнорожденным”. Свидетельствует об этом текст романа Достоевского, где говорится о том, что после того, как один из товарищей подростка сделал ему замечание, что несмотря на все те его чувства, которые „делают честь”, он бы на его, подростка, месте „все-таки не очень праздновал, что незаконнорожденный...”. С этого момента герой Достоевского этим фактом „перестал хвалиться”, а в его душе родилось желание объясниться прежде всего с самим собой и убедиться в том, что он „злил на свою фамилию” не потому,

¹¹ Там же.

¹² Там же, с. 29.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

что он „не князь, а просто Долгорукий”¹⁵, но совсем по другой, ему самому до конца непонятной причине. Об этом свидетельствует сделанное автором дневника замечание, что он вставит „слова два” о том, „что могло быть (у него) в голове хоть отчасти [...] чтоб было понятнее читателю, **а может быть и (ему) самому**”¹⁶. Так в голове подростка родилась и окрепла его „идея”, в которую он решил „уйти окончательно”, когда „порешил отказаться от них всех”, то есть от всего своего семейства, которое „всегда было в сборе”, кроме его самого, „разумеется”, ибо он „был как выброшенный и чуть не с самого рождения помещен в чужих людях. Но тут не было никакого особенного намерения, а просто как-то так почему-то вышло”, что он „до двадцатого года [...] почти не видал [...] матери, кроме двух-трех случаев мельком”. Однако **это „Произошло не от чувств матери, а от высокомерия к людям Версилова”**¹⁷ – поясняет герой *Подростка*.

Такие пояснения не позволяют ни читателю, ни самому автору записок определить сначала до конца: „Что это за «своя идея»”, хотя о ней „слишком много будет” во всем романе. Именно потому с самого начала своих записок автор повторяет, что „очень трудно писать по-русски”¹⁸, чем и подчеркивает трудность объяснения „своей идеи”, которая „поглотила всю [...] жизнь” его:

Я и до нее жил в мечтах, жил с самого детства в мечтательном царстве известного оттенка; но с появлением этой главной и все поглотившей во мне идеи мечты мои скрепились и разом отлились в известную форму: из глупых сделались разумными¹⁹.

И став „разумными”, они стали *нигилистическими* потому, что сначала привели его к отрицанию смысла продолжения учебы („не гимназия помешала идее, а идея помешала гимназии, помешала и университету”²⁰ – признается герой), а потом – к решению порвать с семьей, т.е. к разрыву с отцами, дедами, к отречению от титулов, от предков, от имени, что и есть самым настоящим примером нигилизма, как доказывает Флоренский²¹. Знание своей генеалогии является ответственностью не только перед детьми, перед младшими поколениями, но и перед историей, ибо „Генеалогия – родовое достояние, *не* личное, и надо его хранить. Как майоратное имение не имеешь права растратить (напомним, что природный отец подростка – Версиров – растратил три состояния. – О. К.), так и сведения о предках должно держать в памяти, хотя бы сам ими не интересовался”, потому что проматывать „духовное достояние – прошлое” – это „хуже, чем проматывать имения”²² – утверждает Флоренский. Иначе

¹⁵ Там же, с. 8.

¹⁶ Там же, с. 6.

¹⁷ Там же, с. 14.

¹⁸ Там же, с. 8.

¹⁹ Там же, с. 14–15.

²⁰ Там же, с. 15.

²¹ Там же, с. 29.

²² Там же.

говоря, генеалогия есть „закон о сохранении культурных и общественных ценностей” и „религиозный долг благодарения”, потому что нет другой возможности благодарить за жизнь, как только помнить о ней. И это основная жизненная задача рода и поучительная и назидательная для воспитания. „Отказ от жизненной задачи рода ведет к гибели... Может подточить”²³.

Именно в этом и убеждает ход и идея романа Достоевского, потому что решение героя *Подростка* порвать со своим родом обращается совершенно противоположным для него, а именно: глубоким знакомством со всем семейством, которого он не знал до двадцатого года своей жизни, а также его „перевоспитанием” или, можно сказать, – настоящим воспитанием, в результате которого он приходит к другой, новой жизни:

Я кончил. Может быть, иному читателю захотелось бы узнать: куда ж это девалась моя ‘идея’ и что такое та новая, начинавшаяся для меня теперь жизнь, о которой я так загадочно возвещаю? Но эта новая жизнь, этот новый, открывшийся передо мною путь и есть моя же ‘идея’, та самая, что и прежде, но уже совершенно в ином виде, так что ее уже и узнать нельзя. Но в „Записки” все это войти уже не может, потому что это – уже совсем другое. **Старая жизнь отошла совсем, а новая едва начинается**²⁴,

– читаем в заключительных словах автора записок. И начинается она с попытки принять решение поступить в университет, по настоянию своего „искреннего и любимого друга” – Татьяны Павловны. Именно с этой целью сложившийся уже герой *Подростка* – Аркадий Макарович – обращается к своему бывшему воспитателю Николаю Семеновичу, мужу Марьи Ивановны. Однако не потому, что он „нуждался в чем-нибудь совете”, но ему „просто и неудержимо захотелось услышать мнение этого совершенно постороннего и даже несколько холодного эгоиста, но бесспорно **умного** человека”. И он

послал ему всю [свою] рукопись, прося секрета, потому что (он) не показывал еще ее никому [...]. Посланная рукопись прибыла [...] обратно через две недели и при довольно длинном письме.

Несколько выдержек из этого письма, в которых автор записок нашел „некоторый общий взгляд и как бы нечто разъяснительное”²⁵, и является финалом *Подростка*, обращаясь таким способом к мотиву сюжета иконы *Евангелист Иоанн, диктующий ученику*. Разъясняющие слова этого письма выявляют и тот основной смысл, вынесенный героем *Подростка* из первых шагов своего жизненного поприща, который он получил от настоящего своего духовного учителя, каким являлся его юридический отец – Макар Иванов, законный муж его матери, крепостной крестьянки – Софьи Андреевой.

Обратим внимание, что отчество Макара в самом начале романа произносится именно как фамилия – *Иванов*, а не как отчество – *Иванович*, так же,

²³ Там же, с. 29–30.

²⁴ Ф.М. Д о с т о е в с к и й, указ. соч., т. 13, с. 451.

²⁵ Там же, с. 451–452.

как и его жены Софьи, – *Андреева*, а не Андреевна. Это значит, что в этих наименованиях обеих персонажей *Подростка* очень важными являются сами имена, их *духовная*, главенствующая суть, ибо отсутствие отчества, которое „подчеркивает в имени духовную связь с отцом”, позволяет предполагать, что этим автор хотел подчеркнуть чистоту ее „существеннейшей формы”, не позволяя ей обрести

кольцом второстепенных ономастических символов, которые своею совокупностью и совместно с тем, главенствующим, символом образуют *полное* имя данной личности. Так, отчество подчеркивает в имени духовную связь с отцом, фамилия – с родом²⁶.

Отсутствие отчества ограждает от возможности влияния или даже преобладания над именем собственным данного лица имени отцовского, что в целом может привести к слишком явному преобладанию черт родовых, именно отцовских. Итак, в наименованиях супружеской пары Макара и Софьи главными являются их собственные имена и родовые связи через их фамилию-отчество, происходящую от имен Иван и Андрей. И хотя, как утверждает Флоренский, можно сказать, что „нет имен ни еврейских, ни греческих, ни латинских, ни русских и т.д., а есть только имена общечеловеческие”²⁷, то нельзя не отметить, что часто через их заимствование и приспособление к оттенкам отношений в пределах одного народа и одного времени они приобретают видоизменения, которые лишают их изначальной монументальной и величественной формы, и заменяются приниженными своими переработками или даже совсем забываются вместе с изменениями самой жизни, становясь обществу далекими и непонятными в своей онтологической высокой форме. И это чаще всего участь имен „духовно обязывающих”. Так случилось с именем *Иоанн*, которое означает сына грома, запертую молнию, страх Божий, любовь и мудрость Божию. Как утверждает Флоренский, в наше духовно оскудевшее время оно перестало быть понимаемо в своем высоком строе и, казавшись притязательным и неискренним, было заменено в России именем *Иван*, и заимствовалось в этой обедненной форме, например, немцами как *Jwan* (в Польше – *Jan*). И только Церковь сохранила до наших дней эту высокую форму имени Иоанн. Это дает нам полное право связывать русского *Ивана* с его высокой церковной формой *Иоанн* и вывести напрямую род Ивановых или Ивановичей от тех, кто имеет страх Божий, любовь и мудрость Божию, символизируемую силой и светом запертой молнии и сыновним родством этой духовной силы и света, и связать напрямую с сюжетом названной уже иконы *Евангелист Иоанн, диктующий ученику*. Это также убеждает, что настоящее воспитание подросток Достоевского получил и унаследовал именно от Макара Иванова, своего юридического отца. Содержание этого воспитания

²⁶ П. Флоренский, *Сочинения...*, указ. соч., с. 229.

²⁷ Там же, с. 227.

выражено очень четко в предсмертных прощальных словах Макара, которые он сказал своему сыну-ученику в напутствие-наставление:

Ты, милый, церкви святой ревнуй, и аще позовет время – и умри за нее; да подожди, не пугайся, не сейчас, – усмехнулся он. – Теперь ты, может быть, о сем не думаешь, потом, может, подумаешь. Только вот еще: что благое делать замыслишь, то делай для бога, а не зависти ради. Дела же своего твердо держись и не сдавай через всякое малодушие; делай же постепенно, не бросаясь и не кидаясь; ну, вот и все, что тебе надо. Разве только молитву приучайся творить ежедневно и неуклонно. Я это так только, авось когда припомнишь²⁸.

И тут же сразу следует обращение Макара к естественному отцу своего сына-ученика, поскольку для Макара все, кто его окружают, – его „новые детушки”, глядя на которых он „утешался”, так же, как и многострадальный Иов, не забывая своих прежних, которых потерял. И слова эти тоже очень знаменательны и глубоко символичны:

Хотел было я и вам, Андрей Петрович, сударь, кой что сказать, да бог и без меня ваше сердце найдет. Да и давно уж мы с вами о сем прекратили, с тех пор как **сня стрела сердце мое пронзила**. Ныне же, отходя, лишь напомню, о чем тогда пообещали...²⁹

Этим обещанием, как знаем, было „дворянское слово” Версилова сделать мать своего незаконнорожденного сына законной женой, в случае ее вдовства.

И только если учтем в этой обыкновенной для России XIX века семейной истории всю символику имен, то мы поймем ее подлинное значение для настоящего и будущего России в контексте проблем эсхатологии, которое заключил в *Подростке* его гениальный автор. И, естественно, первым из этих имен должно быть имя *Макар*, которым Достоевский называет тот главный персонаж своего романа, который дает *духовный заряд* всему произведению. Ибо если обратимся к метафизике имени П.А. Флоренского, то сможем понять и раскрыть, что:

Как сложные радикалы в химии, *имена служат ядром личности и самой сути ее* [...]. *Имена* таковы же, но как *орудия высшего порядка*, для обращения с собою требуют большей *духовной концентрации* и соответственного навыка [...]. Как *познавательное орудие* высшего порядка, имена, – если говорить не о непосредственно вырастающем в бесхитростной среде умении владеть ими, а о *сознательном пользовании*, – имена усвоятся сравнительно трудно, и человеку рефлексивных привычек **необходимо умственно перевоспитывать себя, чтобы** развить в себе привычку **мыслить именами**”, иначе интеллект будет пытаться объяснить эти личностные категории с помощью таких аналитических признаков, как черты характера, нравственные наклонности и т.д.,

²⁸ Ф.М. Достоевский, указ. соч., т. 13, с. 330.

²⁹ Там же, с. 330–331.

или просто „подставлять вместо умной формы – имени – чувственную наглядность того или другого примера”³⁰,

а в нашем случае – чувственную наглядность образа литературного персонажа. Однако не о таком овладении речь идет в метафизике имени, а о том, в котором и через которое *осознается могущественность этого орудия*, дающая „прозреть их, закреплять в познании тесно сплоченные, личностные формы, и мы научаемся усматривать это **единящее начало** там, где до сих пор была лишь недоступная разуму и слову пестрота, слияние и путаница” – утверждает Флоренский. Тогда мы поймем, что у познания „выросли Крылья”, и оно, возносимое на них,

видит теперь строение обширных пространств, которых оно ранее не только не охватывало, в едином созерцании, но и просто не подозревало. Познанию открылся новый мир³¹.

Этот новый мир открывается для читателя романа *Подросток* Достоевского только с раскрытием полного смысла символики имени Макар, т.е. с раскрытием как *внутренней*, выраженной именем, так и *внешней* его организации, которой „соответствует число как форма”³².

Итак, имя – это инвариант личностный, а число – это инвариант вещный, и они оба „коренятся в форме, которая есть одновременно и вещь, и личность, или точнее – начало и вещи и личности”, что надо понимать, по Платону, как *идею*, т. е. как „источник и бытия и познания”. Именно в идее находится ключ к пониманию, почему познание и бытие не расходятся между собою, несмотря на то, что

каждое из них пребывает верным себе самому: это *идея*, нумерически тождественная в них обоим, держит их равнение между собою [...]. *Число* космологически есть то же, что идея онтологически, а имя отражает идею пневматологически³³.

А это значит, что только узнав оба инварианта – субъективный (личностный) и объективный (вещный), мы сможем узнать *идею* (духовную суть) имени *Макар* и его онтологический и космологический смыслы.

Для этого необходимо обратиться в первую очередь к греческому корню имени *Макар*. Оно несомненно связано с греческими словами μακαρία, μακάριος, μακάρις, первоначальный смысл которых Флоренский связывает с тем, как изъяснял Аристотель слово μακάρις, а именно: посредством происхождения от „сильно радоваться”, а это позволяет связывать его с русским словом *блаженство*, которое в свою очередь означает „внутреннее переживание целомудренной души”. Само же слово *целомудрие*, как пишет Флоренский,

³⁰ П. Ф л о р е н с к и й, *Сочинения...*, указ. соч., с. 220.

³¹ Там же, с. 221.

³² Там же.

³³ Там же.

по своему этимологическому составу указывает на цельность, здравость, неповрежденность, единство и вообще нормальное состояние внутренней жизни, нераздробленность и крепость личности, свежесть духовных сил, духовную устроенность внутреннего человека [...] – Целомудрие – это *простота*, т.е. органическое единство, или, опять-таки, цельность личности³⁴.

Итак, целомудрие как простота и есть тот истинный путь, который в Писании называется „узким путем” (Мф 7: 14, ср. Деян 2: 8), „путем мира” (Лк 1: 19), „путем спасения” (Деян 16: 17), „путем Господним” (Деян 19: 9), „путем истины” (2 Петр 2: 2), „путем прямым” (2 Петр 2: 15) – в противовес *блуду*, блуждению, блужению, которое есть не что иное, как потеря своей настоящей стези и „хождение путями своими” (Деян 14: 16), и неспособность ожесточенным и заблудшим сердцем познать пути Господни (Пс 94: 8–10; Евр 3: 7–10). Поэтому *грех* как *блуд* есть не что иное, как извращение, как распутство, т.е. переход с пути на путь, шатанье по разным путям, блуждение по разным дорогам, а не по единственной правильной, что приводит личность к состоянию развращенности, разврата, т.е. развороченности души: целина личности разворочена в противоположность ее целомудрию. „Грешить” значит не что иное, как „ошибаться”, „не попадать в цель”³⁵, – утверждает Флоренский.

Если к этим объяснениям присоединить мнение русского ученого В.Н. Топорова, что греческое *μάκαρ*, *μακάριος* (блаженный, счастливый, благоденствующий, богатый), а также имя *Макар* связано со словом *мак* и соотносится с темой „мокрого, мокроты”, с ритуалом вызывания дождя, то:

Введение в контекст вегетативного символа (мак) позволяет сразу же определить исходную мифологему *воды* и *огня*, в частности, в ее уточненном варианте – мировой огонь среди первородных вод, в их центре³⁶.

А это позволяет также связывать с Макаром мифологический образ морского животного *макара*, известного в индийской традиции, которого представляют подобным левиафану, крокодилу, акуле или просто водному чудовищу с открытой пастью, телом рептилии и чешуйчатой рыбы. Это морское животное в индийской традиции является именем и изображением *десятого* знака зодиака, который в греческой традиции принял название Козерога и

изображение, состоящее из двух животных: выше груди – из козла, а ниже груди – из рыбы. А морское животное, называемое *макара* [...] не нуждается в том, чтобы его считали состоящим из двух животных³⁷,

³⁴ П.А. Ф л о р е н с к и й, *Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи*, Москва 2005, с. 165–166, 162.

³⁵ Там же, с. 162.

³⁶ В.Н. Т о п о р о в, *Из индоевропейской этимологии*, [в:] *Этимология 1980*, т. II, (1–3), Москва 1982, с. 145.

³⁷ А.Р. Б р у н и, *Индия*, репринтное воспроизведение текста издания 1963 г., Москва 1995, с. 212.

– читаем в объяснениях названий индийских светил у Абу Рейхан Бируни. Макара можно связывать с другими мифологическими образами *Змея* как водного чудовища, что позволяет констатировать следующее:

Общесимволическая роль *макары* коренится в представлении о том, что *М(акара)* в целом моделирует и (или) символизирует жизнь и природу во всех ее состояниях – стихиях (связь с божеством плодородия, жизненной силы и воды)³⁸,

т.е. как один, нерасторжимый, цельный, гармонический, плодотворный организм.

В этом убеждает нас также работа А. Лавриненко, принадлежащая к тем новейшим исследованиям в области языкознания, которые используют методику генетических исследований, таких, как лингвистическая реконструкция, имеющая „дело с экстраполяцией языковых фактов в прошлое” и восстанавливающая не просто реальные явления языкового прошлого, а построение о нем „лингвистического знания”³⁹. В ней мы находим подтверждение, что имя *Макар* содержит в себе ту же самую универсальную модель, что и слово или имя нашей планеты – Земля, которая „связана со всеми существующими стихиями”⁴⁰. *Земля* как медиальное пространство – обиталище человека, животных, растений – составляет своего рода семантический триплет *земля – человек – дом*. На формальном уровне это также генетически родственные единицы по корнеслову (*земля, дом, homo* – „человек”). В результате лексико-генетического анализа можно представить основной набор семантических компонентов, который убедительно доказывает, что

на первый план выступает *вертикальная Вселенная*, уходящая *вверх* и *вниз* от медиальной границы как точки отсчета [...]. На полярных полюсах системы находятся обобщающие идеи *сжатия* (*соединения, конвергенции*) и *разжатия* (*разъединения, дивергенции*), которые – далее, к логическому концу, – связаны с идеями *созидания* (*творения*) и *разрушения*. Можно это назвать и по-другому: *Творец* (*Бог*) и *Разрушитель* (*Анти-Бог*). Но, будучи схематически на разных полюсах, эти два понятия фактически сливаются в одно нерасторжимое (энантиосемичное⁴¹) целое, образуя замкнутое сферическое пространство. А в *круге*, как известно, понятия *верх* и *низ* не различаются, нейтрализуются. Изложенное помогает уразуметь истинный смысл средневековой сентенции: *Бог есть сфера, центр которой везде, а край нигде*. Но сферическое

³⁸ А. Л а в р и н е н к о, *Семантическая макросистема и основные механизмы ее генетической организации. Опыт реконструкции* (На базе индоевропейской формы **dh(e)ghom* – ‘земля’), Rzeszów 2002, с. 248.

³⁹ Там же, с. 7.

⁴⁰ Там же, с. 219.

⁴¹ Термин и явление *энантиосемии* являются общеизвестными, однако не все словари и лингвистические энциклопедии, изданные в Польше, фиксируют этот термин. Поэтому напомним, что *энантиосемия* – это „поляризация значений. Способность слова (морфемы и т.п.) выражать антонимические значения. Англ. *enantiosemy*” – см.: О.С. А х м а н о в а, *Словарь лингвистических терминов*, Москва 1969, с. 526.

пространство, тот *купол*, внутри которого ощущал себя человек, основывалось все же на *вертикали*, реальным воплощением которой было *дерево*⁴²,

понимаемое как *вертикаль*, которая выполняет роль стояка, *столба*, удерживающего элемента, на котором крепится сфера, что и выражается в символике центра *Земли*, Мирового *дерева*, Мировой *горы*, небесного *шеста*⁴³.

Вышеизложенное помогает также лучше понять, почему Достоевский выбрал для персонажа *Подростка*, символизирующего или олицетворяющего идею романа, имя Макар. Итак, *Макар* как символ целомудрия и простоты является носителем антирациональной естественной непосредственности, ибо не удовлетворял Достоевского крайний рационализм, грозящий превратить прекрасное строение в мрачную тюрьму. В Макаре заключена та же сферическая полнота человека смертного и бессмертного, т.е. способного умирать и воскресать, которая заложена в универсальной модели Вселенной:

весь наш мир (материальный и нематериальный, реальный и ирреальный, социальный и асоциальный) находится в круге, образуемом системой универсальных по своей природе энантиосемичных инвариантов, из которых важнейшими являются: созидание ~ разрушение, центробежность ~ центростремительность, соединение ~ разъединение... = конвергенция ~ дивергенция. Благодаря этим факторам наша планета (наша Вселенная) и все в ней (и с нею) существующее находится в состоянии относительной стабильности. Нарушение какого-либо из членов оппозиции означало бы нарушение стабильности и в результате гибель. Наш мир – это мир противоположных начал [...] в *системе* языка должны отражаться также законы Универсума. Поэтому и любые семиотические системы основаны на бинаризме⁴⁴,

что и утверждал П.А. Флоренский, как справедливо отмечает А. Лавриненко⁴⁵. Реконструируемая исследовательницей макросистема „отражает в основе своей те принципы, на которых зиждется мир”⁴⁶, ибо язык в целом, как открытая система, „порождает и вмещает семантически замкнутые макросистемы, основанные на энантиосемии, которая, в свою очередь, предстает в виде собственной **иерархически** организованной системы. Центральной (генеральной) является энантиосемия, выражающаяся в оппозиции *созидающее, творческое, активное, конструктивное начало* ~ *разрушающее, застойное, пас-*

⁴² А. Л а в р и н е н к о, указ. соч., с. 219–220.

⁴³ Вертикаль тоже нашла свое отражение в символике высшей (монаршей) власти, которым является *скипетр* (*посох*). Первично это была *палица* ~ *бревно*, *столб*, которая в религии являлась отражением вертикали, соединяющей реальный и ирреальный миры. На Руси это выразилось в движении столпничества, символизирующего непосредственность общения человека с богом, а также в названии основного труда П.А. Флоренского *Столп и утверждение истины...* (указ. соч.).

⁴⁴ Там же, с. 242.

⁴⁵ Там же, с. 231.

⁴⁶ Там же, с. 242.

сивное, деструктивное начало. В религии это выражается оппозицией *Бог ~ Дьявол (Сатана, Змей)*; в философии – *Логос ~ Анти-Логос*; в лингвистике это энантиосемия, совмещение в одном корне комплекса противоположно связанных, бинарно спаренных значений: *начало ~ конец, рождение ~ смерть, верх ~ низ (верховное, управляющее начало и начало зависимое, подчиненное)*, откуда: *‘хозяин’ ~ ‘раб, слуга’; ‘субъект’ ~ ‘объект’; ‘создатель’ (демиург) ~ ‘создание, творение’*. Этот центральный тип энантиосемии можно было бы назвать *круговым*, так как он основан на принципе *начало ~ конец (от конца до конца)*, что в сущности означает *круг*⁴⁷. Таким образом, Макар Достоевского, как „бывший слуга, родившийся слугою и от слуги”⁴⁸ – это русский *блаженный* или *святой глупец* (юродивый), обозначающий состояние, в котором „кончается самопоедание сердца”. Это, как выясняет Флоренский, „вечное наступание на главу самости”⁴⁹, у блаженного, у макара самость – возможность, и он – *potest non peccare*, ‘может не грешить’.

Нетрудно видеть, что так понимаемая макариа довольно близко подходит к положительному пониманию *нирваны* позднейшего буддизма, т.е.

к состоянию угасания страсти, успокоенности от всякого возмущающего *душу* движения, – к пребыванию в вечном покое, куда не достигает коловращение призраков самсары⁵⁰.

Это и есть состояние *простоты, цельности* или *крепости личности*, заложенной в человеческой природе по образу и подобию Божию, которое отличает Макара Иванова от остальных мужских персонажей не только в *Подростке*, но и в других романах Достоевского. Макару свойственна полнота, круглость или сферичность, как Матери Земле, у которой есть своя незыблемая ось, своя вертикаль. Как утверждает Лавриненко,

Мотив совокупления с землей имеет явные мифологические корни: именно представление о супружеских отношениях между небом и землей, дающих начало жизни, и лежит в основе восприятия земли как общей матери⁵¹.

Подтверждением этих рассуждений и выводов прекрасно служит и модель Г.Д. Гачева, который рассматривает космос Достоевского, опираясь как

⁴⁷ Там же, с. 236–237.

⁴⁸ Ф.М. Достоевский, указ. соч., т. 13, с. 312.

⁴⁹ Это выражает известный многим культурам и религиям *Uroboros* – круглый уж, поедающий собственный хвост, символизирующий то, что вечное и нераздельное, а также содержащий в себе символику создания, приписанную к яйцу (пространство в круге), земную символику ужа и небесную символику круга. В орфической иконографии с уроборосом связывалась символика смерти и повторного рождения. См.: J. T r e - s i d d e r, *Słownik symboli*, Warszawa 2001, с. 229–230.

⁵⁰ П.А. Флоренский, *Столп и утверждение истины...*, указ. соч., с. 168.

⁵¹ А. Лавриненко, указ. соч., с. 252.

и на древний натурфилософский язык четырех стихий – Земли, Воды, Воздуха, Огня, понимаемых расширительно и символически, так и на символику имен⁵². У этих персонажей, где преобладает одна или две стихии, нарушена модель мироздания и они „мира Божьего не приемлют”. У них свой мир, свой космос, а точнее – анти-космос. Макро- и микрокосмос же Макара соответствует Божьей модели Вселенной, где Творец и Разрушитель, смерть и рождение, женское-материнское и мужское-отцовское – сбалансированы. В нем нет отрицания мира и людей, а есть к ним понимание и любовь. И поэтому в его уста вкладываются слова, которыми Достоевский хочет сообщить нечто, представляющееся особо ценным. Макар Иванович Долгорукий принадлежит несомненно к тем созданным Достоевским образам людей необразованных или малообразованных, простых женщин, детей, в которых сохранилась естественная непосредственность. В этом можно увидеть и элементы руссоизма, и отзвуки учений Отцов Церкви, в частности, Блаженного Августина. „Простаки” Достоевского, в том числе и „идиот” Мышкин, – евангельские нищие духом, которые унаследуют не Вавилон или земной Эдем, созданные по чертежам великих мудрецов, но Царство Небесное. Во времена Достоевского вавилонские башни, как и хрустальные дворцы, – мечта фанатиков, большинство же живет „в избушках на курьих ножках”. Но именно поэтому Святая Русь, „страна деревянная и нищая” (здесь подчеркнуто выступает концепт „дерево”), может противостоять угрозе, т.к. простой народ интуитивно понимает самое главное: храм счастья (в любой модификации) – это нерукотворный храм Божий, а храм Божий – прежде всего обоженный человек. Такой же храм разрушить невозможно ни внешними, ни внутренними силами.

„Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас? Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог: ибо храм Божий свят; а храм – вы” (1 Кор.: гл. 3, ст. 16). И в этом месте нельзя не вспомнить слов Д.С. Лихачева, который считал, что в стиле московских церквей XVI и XVII веков русские зодчие утверждали именно ту истину, что образом наиболее угодного Богу храма является сам человек:

Не случайно так любили в Древней Руси [...] некрашеное дерево [...]. Дерево всегда теплое, в нем есть что-то человеческое,

и

Недаром у церкви есть глаза, шея, плечи, подошва и „очи” – окна с бровками или без них. Церковь – микрокосм, как микромир – игрушечное царство ребенка, а в игрушечном царстве ребенка человек занимает главное место⁵³

⁵² См.: Г. Д. Г а ч е в, *Космос Достоевского*, [в:] *Проблемы поэтики и истории литературы*, Саранск 1973, с. 111–113.

⁵³ Д. С. Л и х а ч е в, *Заметки о русском*, Москва 1984, с. 13.

так же, как и в христианской антропологии, где образом наиболее удобного Богу храма является сам человек как символ гармонии внутреннего и внешнего и наиболее универсальная модель мироздания в целом.

Эта модель отражается и в языковой системе как закон Универсума и

неизбежно приводит к космогоническим представлениям древних индоевропейцев, вырастая одновременно в философскую проблему, связанную с универсальными элементами бытия [...] в плане гносеологическом – это виртуальная (абстрактная) модель, несущая сведения космологического порядка, которыми обладали наши предки-индоевропейцы. Но эти знания и восприятие мира не были исключительными. Они несут универсальные черты, проявляющиеся и у индоевропейских народов, и потому легко воспринимаемые в культурных контактах⁵⁴.

Эти знания выражены очень четко и точно также в слове-имени *Макар*, корень которого *tak- связывается с понятием *верх*, понимаемым как *макушка (головы)* или *маковица* – ‘верх здания’ и ‘округлость’, а также *маковка* – ‘корбочка мака’ и ‘купол церкви’⁵⁵. И это последнее значение опять обращает нас к русской церковной архитектуре, где здание храма завершается обычно пятью куполами: одним большим центральным и четырьмя меньшими боковыми. В этом скрывается или выражается именно та числовая космологическая символика, сущность которой выражена в индусском названии десятого знака зодиака *Макара*, где *ма* равнозначно с числом 5, а *кара* означает ‘рука’, что может указывать на человеческую ладонь с пятью пальцами, выражающую идею „совершенного человека” с развитой волей, способностью помещать себя в центр креста стихий и управлять ими, что можно понимать как выражение идеи, что микрокосм представлен человеческим телом. У греков *пентаграмма* (пятиконечная звезда) – графическое изображение пятерки – была священным символом света, здоровья и жизнеспособности и называлась равновесием, потому что разделяет совершенное число 10 (соответствующее десятому знаку зодиака – *Макара*) на две равные части. Именно так же, как две сложенные (например, при молитве) ладони человека – левой и правой руки – образуют символ полноты, выраженный числом десять и сферичностью своей формы, причем **левая** и **правая** сторона означают женское и мужское начала в природе человека и шире: это есть „единое уравнение динамики обменных процессов, происходящих между **левым и правым пространствами любой частицы мира**, от фотона до Вселенной”⁵⁶.

В православной традиции число пять изображается как союз нечетного и четного чисел (3+2), который выражает сущность пятерки как священный космический брак неба и земли во многих религиозных учениях. Это отобра-

⁵⁴ А. Лавриненко, указ. соч., с. 221, 226–227.

⁵⁵ Там же, с. 245–247.

⁵⁶ Там же, с. 242.

жается в символике трикирия и дикирия, относящихся соответственно к идее троичности и двоичности, символизирующих Пресвятую Троицу и две ипостаси Христа – Бога и Человека.

Все сказанное позволяет констатировать, что смысл символики имени *Макар* выражает идею, что спасение человека и окружающего его мира заключено в знании и познании самого себя, как самой совершенной формы, созданной по образу и подобию Бога самого и созданного им Космоса, Вселенной, что и отражает и выражает идея самой иконы. Поэтому икона, даже расколота человеком надвое – как Версиловым та, подаренная ему Макаром, – образует нерасторжимое единое Целое.